

Победоносцева Кая А.О. Первая мировая война и курдская политика России: эффект колеи? // Курдский фактор на Ближнем Востоке. Материалы I международной научно-практической конференции 9 ноября 2018. Ассоциация молодых курдологов России. Москва: изд. Сулеймания, 2018. Стр. 6-31.

**Победоносцева Кая А.О., к.и.н.
Восточный факультет СПбГУ**

ПЕРВАЯ МИРОВАЯ ВОЙНА И КУРДСКАЯ ПОЛИТИКА РОССИИ: ЭФФЕКТ КОЛЕИ?

***Аннотация:** данная работа посвящена значению курдского вопроса во внешней политике Российской империи. Посредством анализа взаимодействия России с курдами в предвоенные десятилетия, делается попытка дать ответ на вопрос считало ли Российское правительство курдов возможными союзниками, а также стремился ли Петербург на самом деле присоединить земли с курдским населением.*

***Ключевые слова:** Россия, Российская Империя, Османская Империя, Персия, Британия, Ближний Восток, курды, курдский вопрос.*

В столкновении с Османской империей во время Первой мировой войны Российская империя опиралась на поддержку армянского населения, а также сотрудничество с некоторыми другими христианскими группами. Каким бы логичным и предопределенным это ни казалось *ex posteriori*, у России был выбор в отношении союзников и военных целей в регионе, помимо армян или ассирийцев.

К 1914 году Россия уже обладала опытом более чем столетнего взаимодействия с курдским населением. То, что Санкт-Петербург считал курдов значимым фактором в своем продвижении к Югу от Кавказского хребта, показывает ситуация с Абдуррезаком Бедирханом. Иными словами даже в мирное время царская администрация рассматривала возможность использования курдского элемента в своей политике в регионе. После начала Первой мировой войны острота курдского вопроса возросла. В процессе переговоров с западными союзниками о разделе региона после войны Санкт-Петербург выразил намерение аннексировать земли с курдским населением вместо земель с преимущественно армянским.

На протяжении всего XIX века активные фазы русско-курдских отношений совпадали с основными политическими потрясениями в Малой Азии. В первую очередь это касалось военных кампаний между тремя державами, вдоль границ которых проживали курдские племена.

В отличие от Британии, которая с особенной настойчивостью стремилась утвердиться в стратегически важных курдских районах, чтобы усилить свои позиции в Восточной Турции и Западной Персии, а также угрожать владениям своего основного соперника в Азии в течение большей части XIX в. — России, последняя не стремилась к экспансии в Курдистане. Ее политика по отношению к курдам преследовала в качестве основной цели обеспечение их нейтралитета в войнах царской России с Персией и Османской империей, что соответствовало интересам и курдских племен.

Еще с 1850-х гг. российские военно-дипломатические круги стали развивать отношения с влиятельными курдскими аристократическими фамилиями, среди которых были и род Шамшадиновых, управляющих племенной конфедерацией Зилан, расселенных по обе стороны российско-турецкой границы. Во главе этого рода стоял Джафар-ага Али-бек и в дальнейшем его сын Али Ашраф-Ага Шамшадинов¹, фактический и официальный предводитель российских курдов, имевший значительные связи с курдами по обе стороны российско-османской границы.

В середине XIX в. отношение к курдам, как к турецким, так и к российским было двояким: старшие офицеры российской армии разделились на два лагеря. С одной стороны на сотрудничество с курдами позитивно были настроены начальник генштаба Н.Н. Муравьев, полковник Бартоломей, полковник М.Т. Лорис-Меликов, ротмистр Попко и крайне негативно были нацелены небыл известный автор монографии “Русские в азиатской Турции в 1854 и 1855 годах” полковник М.Д. Лихутин, генерал-майор А.А. Суслов. Если Н.Н. Муравьев продвигал политику по привлечению курдских племен на сторону России посредством диалога и подарков, то личная неприязнь М.Д. Лихутина к курдам и приоритет в карательных операциях приводили к “двоевластию”, которое “в таком важном вопросе каким был курдский только тормозило правильный ход отношений с курдами”.² Крайности обеих систем оказались в итоге неэффективными.

¹ Общий список офицерским чинам Русской Императорской Армии. Составлен по 1-е января 1909 г. С.Петербург, Военная типография, 1909. — Стр. 98.

² *Аверьянов П.И.* Курды в войнах России с Персией и Турцией в течение XIX столетия. Тифлис, 1900. — Стр. 128-129; см. переписку в АКАК, т.11. — Стр. 421-425.

К боевым талантам курдов в условиях русско-турецких войн прибегали дважды, формируя подразделения состоящие только из курдов. Во время Крымской войны в 1854-1856 г. были сформированы Куртинский № 1-го полк и Куртинский № 2-го полк из закавказских курдов. Вторая попытка призвать российских курдов имела своим результатом формирование во время русско-турецкой войны 1877-1878 гг. Куртинского Конно-Иррегулярного полка, имевшего в своем составе четыре сотни закавказских курдов.³

Во время Первой мировой войны планировалось сформировать 153 курдских эскадрона, которые сводились в полки или группы, но на деле было выставлен меньший контингент⁴, которому противостояли 8-10 тысяч турецких курдов.⁵

Вплоть до 90-х гг. XIX в. Россия не предпринимала каких-либо активных действий в Курдистане, ограничиваясь наблюдением за положением в этой области, примыкавшей непосредственно к закавказским владениям России. и даже это наблюдение не было систематическим потому как лишь в конце 1911 г., т.е. после военной оккупации районов Северного Ирана, были открыты вице-консульства в иранских Хое и Соуджбулаке.

В 1905 г. под влиянием революции в России и революционных событий в соседней Персии начался новый подъем курдского движения в Османской империи. Непрерывные курдские восстания в восточно-анатолийских вилайетах и особенно заговоры курдской знати в самой столице положили конец долго лелеемым Абдул-Хамидом II надеждам использовать курдов для укрепления режима.

После младотурецкого переворота 23 июля 1908 г. лидеры курдских националистов первоначально поддержали новый режим, рассчитывая, что младотурки удовлетворят национальные требования курдского народа. Курдские организации того времени не имели политического статуса, представляя собой разрозненные группы. Роль объединяющего начала сыграла первая курдская газета «Курдистан».⁶

По большей части курдские активисты недолго тешили себя надеждами на

³ Звегинцов В.В. Хронология Русской армии 1700-1917. Париж, 1961. — Стр. 726.

⁴ Масловский Е.В. Мировая война на Кавказском фронте 1914-1917 г. Стратегический очерк. — Париж: Возрождение, 1933. — Стр. 43.

⁵ Там же. — Стр. 45.

⁶ После поражения восстания Бедирхан-бея против Османской Империи в 1847 году, вся семья Бедирхан была выслана в Египет (Каир). Микдад Бедирхан был одним из видных борцов из семьи Бедирхан и даже в Каире продолжал борьбу за национальные права курдов. Так в Каире, 22 апреля 1898 года, вышел в свет первый номер газеты "Курдистан" под редакцией Микдада Бедирхана.

то, что младотурецкое правительство пойдет навстречу курдским активистам. Проявившаяся очень скоро шовинистическая сущность внутренней политики комитета «Единение и прогресс» оттолкнула от него курдских лидеров, которые стали себе искать других союзников. Они, в частности, укрепляли связи с армянскими националистами, что вызвало особенно большую тревогу у младотурок. Поэтому летом 1909 г. в восточные вилайеты Турции были посланы агенты комитета «Единение и прогресс» с попыткой вызвать разлад в курдско-армянских отношениях.

В это время на курдской политической арене появилась новая видная политическая фигура — Абдуррезак Йезданшир Бедирхан⁷, который в отличие от предпринятого в 1880 г. шейхом Обейдулла из Нехри восстания с преобладающим стихийным началом, впервые в истории курдов представил план, предусматривающий создание при непосредственной помощи России единого курдского государства.

Абдуррезак проработал несколько лет в министерстве иностранных дел Османской Империи и в конце 90-х гг. XIX века был определен на должность третьего секретаря турецкого посольства в Петербурге, где он выучил русский язык, познакомился с культурной и социально-политической жизнью Российской империи.

Абдуррезак верил, что Россия поддержит его политические планы, но их осуществлению препятствовал ряд негативных факторов:

1. Планируемое Абдуррезаком Бедирханом всеобщее восстание курдов в военном отношении было совершенно не подготовлено.

2. Сила турецкого и персидского правительств. Абдуррезак не учел решимость турецких правящих кругов во что бы то ни стало подавить курдское движение в империи, а также относительную стабилизацию центральной власти в Персии вследствие близкого поражения революции. Его расчеты на то, что шахское правительство допустит превращение Персидского Курдистана в базу для создания единого курдского государства, были нереалистичны.

3. Слабость России на Ближнем Востоке. Абдуррезак предполагал, что возможно установление безраздельного русского влияния во всем Курдистане, явно переоценивая влияние Петербурга в регионе.

Важной стороной деятельности Абдуррезака Бедирхана являлись его культурно-просветительные начинания, проявившиеся с особой силой накануне Первой мировой войны. Большую поддержку Абдуррезаку в деле распространения среди курдов просвещения оказывали вождь курдского племени

⁷ Абдуррезак Йезданшир Бадрхан (1864-1918), сын Наджиб-паши, старшего сына Бадрхан-бея.

шекак Исмаил Ага Симко и русский вице-консул в Хое Г.В. Чирков.

Ведение негласной агентурной разведки не вменялось в обязанность дипломатическим представителям России за границей, а представлялось на их усмотрение. В этой связи сохранялась и пассивность со стороны сотрудников министерства иностранных дел по отношению к ведению разведки. Эта пассивность граничила со стремлением свернуть не только тайную разведдеятельность своего ведомства, но и военного. Вместе с тем продолжали встречаться и энтузиасты организации и ведения негласной разведки, но это было достаточно редким явлением. Таким был, например, вице-консул в Хое Г.В. Чирков, который создал целую сеть тайных агентов.⁸

Предложения российских консулов максимально использовать враждебное отношение к Турции некоторых влиятельных курдских вождей по-прежнему встречали непримиримую оппозицию у более высокопоставленных российских дипломатов, особенно у послов в Стамбуле и Тегеране.

С.Д. Сазонов, указывая на недопустимость выдачи Россией туркам курдских шейха Та и Абдуррезака, пророссийская деятельность которых крайне отрицательно воспринималась Стамбулом, и отмечая, что их пребывание в районе Урмии является *"чрезвычайно полезным"*, тем не менее настаивал на том, чтобы они воздержались от антиправительственной агитации в Турции *"и вообще от вызывающего по отношению к туркам образа действий"*. Что касается послов в Иране и Турции, то они вообще отвергали какое-либо сотрудничество с курдскими вождями. По мнению С.А.Поклевского-Козелл, было недопустимо оказывать покровительство Абдуррезаку и шейху Та, им следовало предложить выехать за границу через Россию.

Развернутую аргументацию такого отношения к курдской верхушке дали посол в Турции М.Н. Гирс и М.Ф. Минорский, служивший в ту пору уже не в Тегеране, а в Стамбуле. В донесении М. Гирса от 24 декабря 1912 г. (6 января 1913 г.) говорилось: недопустимо превращение *"персидских пограничных округов в арену деятельности таких лиц, как Абдуррезак и Сеид Та"*. Абдуррезак мечтает сплотить курдов *"сперва в Персии, а затем в Турции"*, что *"следует признать совершенно несоответствующим нашим интересам"*. Абдул-Кадыр же выдвинул план автономии Курдистана. Все эти проекты увеличивают опасность *"слияния"* турецких и персидских курдов. *"Тогда мы собственными руками создадим новый и гораздо более сложный пограничный вопрос"*.

Аналогичная мотивировка содержалась в *"Заметках о курдах"*

⁸ Алексеев М.Н. Военная разведка России от Рюрика до Николая II. Книга II. — М.: Издательский дом «Русская разведка», ИИА «Евразия+», 1998. — Стр. 70.

В.Минорского. Он назвал Абдуррезака политическим авантюристом, который ведет двойную игру и своим появлением в Тифлисе "скомпрометировал себя в глазах турок". "Весь наш интерес, - писал В.Минорский, - в том, чтобы персидско-турецкая географическая граница 1848 г. (ныне фактически восстановленная) продолжала делить Курдистан пополам". У курдов "нет еще никаких спаивающих культурных основ, а потому объединение их может привести скорее к таким беспорядочным и диким движениям, каким был набег шейха Убейдуллы на Персию в 1880 г.". "Дружественные заявления шейха Та, - утверждал Минорский, - для России никакой ценности не представляют". Говоря, что "В наших интересах вообще отделять жизнь персидских курдов от турецких, а такие авантюристы, как Абдуррезак и Та, являются именно связью с Турцией" Минорский здесь вполне мог иметь в виду объективные отличия между первыми и последними. В этих рассуждениях обращают на себя внимание три момента: во-первых, отрицательное отношение к любой форме объединения иранских и турецких курдов, которое рассматривалось как угроза интересам России, во-вторых, полное недоверие к курдским вождям, в данном случае к Абдуррезаку и шейху Та, и в-третьих, интересы непосредственно ведомства. Министерство иностранных дел поддерживало отношения с османским и персидским государствами, скептически воспринимая курдские проекты. Разумеется, такой подход исключал возможность проведения активной политики как в Турецком, так и в Иранском Курдистане.⁹

Но ни М. Гирс, ни тем более В. Минорский не имели решающего голоса в определении «курдской» политики России. Между тем в Петербурге, и особенно в Тифлисе, российские чиновники склонны были с большим доверием относиться к тем курдским вождям, которые демонстрировали свое русофильство. Непосредственные же исполнители и проводники политики России в Иранском Курдистане - консулы часто действовали по собственному разумению, сообразуясь с конкретной обстановкой на месте и не всегда считаясь с инструкциями руководителя российской миссии в Тегеране. Таким образом, в курдском вопросе по-прежнему отсутствовала единая, согласованная политическая линия.

В конце 1912 – начале 1913 гг. усилиями Абдуррезака и Симко в Хое было создано курдское культурно-просветительское общество «Гехандини», которое выдвигало обширную программу не только образовательного характера, но и духовного сближения курдов с русской культурой. В этом направлении

⁹ Лазарев М.С. Курдский вопрос (1891-1917). М.: Наука, 1972. — Стр. 118-119.

серьезным мероприятием должно было стать создание нового курдского алфавита на основе русского алфавита.

Роль общества «Гехандени», безусловно, имеет важное значение в пробуждении курдского национального самосознания. Общество заняло почетное место и в истории российско-курдских культурных связей. К концу 1913 г. Абдуррезак добился разрешения на поездку в Петербург, где он смог встретиться с руководством МИД России. Русские чиновники, подробно ознакомившись с его программой, определили свое отношение к дальнейшей деятельности Абдуррезака.

Поездка Абдуррезака в Петербург, несмотря на неудачу политической программы, была положительной в своей просветительной части, поскольку стимулировала изучение курдского языка, литературы и этнографии. Для развития курдологии в России определенное значение имела деятельность курдских русофилов, особенно Абдуррезака. К их рекомендациям, о которых говорилось выше, в Петербурге, видимо, прислушивались; они оказывали и практическую помощь российским курдологам.

По своей сути, отношение руководящих кругов царской России к предложениям курдских лидеров, как то Кор-Хусейна, Абдул-Кадыра, Абдуррезака было пассивным, что говорит об их явном нежелании связывать себя с курдским движением в Турции, об их в каком-то смысле отрицательном отношении к идее создания автономного Курдистана или независимого курдского государства.

Нежелание России вмешиваться в дела восточно-анатолийских провинций подтверждается ее отношением и к христианам-ассирийцам, издавна считавших русских своими покровителями и освободителями от ига турецких властей, и курдских феодалов. К тому же и курды-езиды начали выражать желание присоединиться к армяно-григорианской церкви, что открывало для России дополнительные возможности в этом районе. Но несмотря на опасения турецких властей, которые подозревали Россию в подстрекательстве курдов, правящие круги России не имели в отношении восточных районов Османской империи и западных провинций Персии серьезных захватнических планов.

Отношение ассирийцев-несториан к России еще с конца XVIII в., когда Россия, войдя в союз с Грузией, вплотную приблизилась к районам их расселения, было весьма дружественное. С Россией связывались надежды на избавление от “ига ислама”, Русская Церковь почиталась единой, а вступление под покровительство России в единство с Русской Церковью было востребованным

как для иерархии, так и для народа.¹⁰

Соответственно желанию самих несториан и по аналогии с уже существовавшими русскими заграничными миссиями, Синодом было признано целесообразным для закрепления дела присоединения несториан организовать в Урмии миссию, первоначальной задачей которой было обозначено содействие епископу Мар-Ионану. Сейчас можно сказать, что члены Российского Синода и обер-прокурор в тот момент не до конца понимали всей сложности и особой деликатности предстоящей деятельности этой новой русской миссии, тех трудностей, с которыми она сразу же столкнется. В этом впоследствии признавался обер-прокурор Святейшего синода К.П. Победоносцев.¹¹

В 1907 г. Британская и Российская империи заключили соглашение и разделили Персию на сферы влияния: Россия получила северную часть (южной границей являлась линия Касре-Ширин — Исфахан — Йезд — Зульфегар), а Британия — южную (к юго-востоку от линии Бендер-Аббас — Керман — Бирдженд — Гезик). Центральная часть страны оставалась нейтральной.

Персия в течение Первой мировой войны сохраняла нейтралитет, однако её территория стала местом военных действий, прежде всего столкновений российских и османских войск и их союзников в Западной Персии, сразу после вступления Османской империи в войну.

Дело в том, что Россия обладала значительным влиянием в Персии не только посредством созданной там Казачьей бригады под командованием российских офицеров.

Решив подавить конституционное движение в Иране и способствовать стабилизации тамошнего центрального правительства, в 1911 г. Россия ввела войска на территорию Персии, что означало для Петербурга необходимость учитывать курдский вопрос. Но политика России не отличалась инициативностью, а во многом реагировала на действия других сил.

Российское вмешательство в Персии было связано с опасениями относительно германского присутствия в стране. Правительство Российской империи, которое было заинтересовано в нормализации обстановки в Восточном Курдистане и прочей Персии после многолетних революционных потрясений, больше не могло мириться с быстрым увеличением германской угрозы вблизи жизненно важных центров страны. «Курдская» политика России в Иране в последние предвоенные годы преследовала две основные цели: во-первых,

¹⁰ *Игумен Стефан (Садо)*. Российская православная миссия в Урмии (1898-1918) // Христианское чтение. 1996. № 13. — Стр. 76.

¹¹ *Там же*. — Стр. 80-81.

укрепление экономических и политических позиций царизма в традиционной сфере его влияния; во-вторых, обеспечение обороноспособности кавказской границы перед лицом грозящей военной опасности со стороны подстрекаемой Германией Турции. Одной из мер, предпринятых российским правительством, было расширение консульской службы в Северо-Западном Иране и в конце 1911 г. были открыты вице-консульства в Хое и Соуджбулаке.¹²

После начала Первой мировой войны (до вступления в нее Турции в августе-октябре 1914 г.) руководители курдского движения добивались от России военной и политической помощи. В некоторых районах Восточной Анатолии возникли комитеты пропаганды национальных идей среди курдов и подготовки всеобщего восстания.¹³

К началу Первой мировой войны Россия обеспечила себе прочное политическое и экономическое положение в Иранском Курдистане, где российская политика определялась с учетом позиции Германии и Турции. Эти государства хотели вытеснить Россию из Северной Персии и создать там плацдарм для наступательной войны с ней с целью захвата Закавказья. Россия стремилась вытеснить турок из персидских пределов и всеми средствами старалась обеспечить себе прочные позиции в Западной Персии. В реальности это означало прежде всего противостояние с турецкими союзниками, курдами.¹⁴

Россия привлекала иранских курдов к охране персидско-турецкой границы, к учреждению там таможенных постов и к отражению набегов турецких курдов и солдат в округах, возвращенных Персии после турецкой оккупации. Однако данная инициатива не привела к положительным результатам. По словам В.Б. Шкловского: *“Азербайджан и часть Курдистана – вот места, занятые нашими войсками. Население смешанное. Персы, армяне, татары, курды, айсоры-несториане, евреи – вот состав этого населения. Все эти племена жили испокон веку друг с другом довольно плохо. Потом пришли русские, стали жить по-новому. Еще хуже.”*¹⁵

Так же, как немцы, турки и англичане, российские политики и дипломаты в Курдистане опирались на поддержку курдских вождей, некоторые из которых, как например Исмаил-хан Симко, обращались в начале Первой мировой войны к

¹² Корниловский А.С. Иранский Курдистан в русско-германских отношениях накануне Первой мировой войны // Вестник Томского государственного университета. 2016. № 411. — Стр. 69–77.

¹³ Вартаньян Э.Г. Курдская проблема в период Первой Мировой войны и в первые послевоенные годы в контексте национальной безопасности России и позиций Англии и Германии // Краснодар: Историческая и социально-образовательная мысль. Том 8 №1/2, 2016.

¹⁴ Емельянов А.Г. Казаки на Персидском фронте (1915-1918). М.: Вече, 2007. — Стр. 192.

¹⁵ Шкловский В.Б. Сентиментальное путешествие. СПб, Азбука-классика, 2008.

царю за помощью в организации «курдского княжества» под протекторатом России. Впрочем, по иным свидетельствам, этот план даже был инициирован с российской стороны. По словам В. Шкловского, который негативно оценивал данную затею, *“Великий князь Николай Николаевич в ту эпоху, когда строил себе дворец на Ленкоранской долине и замыслил создать в Армении казачество, решил привлечь на русскую сторону одного из курдских вождей. Выбор пал на Синко”*.¹⁶

Впрочем, идеи сотрудничества с Симко, вероятно, подготовили почву для последующих планов раздела региона после Первой мировой войны. И британский, и французский послы в Петербурге в годы войны настаивали на том, что для России целесообразно аннексировать после победы земли, населенные курдами, с минимальным присутствием армянского населения. В своих мемуарах С.Д. Сазонов пишет, что *“часть Курдистана, лежащая на юг от Вана и Битлиса, должна была равным образом отойти к России, взамен чего Франция приобретала в Малой Азии значительную территорию с городом Харпутом. Вот в общих чертах соглашение, к которому пришло русское правительство с уполномоченными Англии и Франции в 1916 году”*.¹⁷

По словам М.И. Терещенко, который при Временном правительстве России занимал пост министра иностранных дел, он сам *“никогда не был сторонником постоянной оккупации Константинополя Россией, потому что это было бы чистым проигрышем и потребовало бы большого гарнизона”*, а хотел, *“чтобы Константинополь был превращен в вольную гавань, над которой Россия пользовалась бы некоторой распорядительной властью”*. Он подчеркивал, что *“настоящее правительство в некоторых отношениях столь же националистично, как и последнее императорское”*, а также *“для России интерес жизненного значения представляют другие турецкие провинции, например, Армения и Курдистан”*.¹⁸

Российское правительство формально на это согласилось¹⁹, понимая, что никакие союзники России, даже в случае победы над Центральными державами, не собирается допускать Россию к проливам, которые по сути и были целью войны.²⁰

¹⁶ Там же.

¹⁷ Сазонов С.Д. Воспоминания. Минск.: Харвест, 2002. – Стр. 293.

¹⁸ Бьюкенен Дж. Мемуары дипломата: Пер. с англ. — 2-е изд. — М.: Международные отношения, 1991. — Стр. 243.

¹⁹ Kazemzade F. The Struggle for Transcaucasia (1917-1921). New York, Philosophical Library, 1951. — P. 30.

²⁰ см. Поликарпов В.В. От Цусимы к Февралю. Царизм и военная промышленность в начале XX века. М: Индрик, 2008.

Подводя итог, можно сказать, что Россия оказалась приверженной своей традиционной политике в курдском вопросе, не рискнув делать ставку на мусульманские элементы враждующей стороны. Курдское движение в годы войны несколько активизировалось, однако надежда курдов на самоопределение не реализовалась ввиду двух ключевых причин. С одной стороны курдское национальное движение не смогло создать необходимых структур для политическо-военной мобилизации в условиях всего более разрастающегося конфликта в регионе и стать тем самым существенным фактором в региональной конфронтации. С другой стороны, - отсутствие таких структур означало, что противоборствующие стороны мирового конфликта не были заинтересованы в разыгрывании курдской карты, поскольку это было связано с чрезвычайными издержками и рисками на фоне малой вероятности получения результата.

И ярким примером этого являются российско-курдские отношения и российская политика по отношению к курдам во второй половине XIX - начале XX веков. Анализ показывает, что не были выстроены структуры для взаимодействия и вовлечения курдского населения в отстаивание интересов Российской Империи. Петербург по сути избегал вкладывать значительные ресурсы в какие-либо курдские проекты и отслеживал события на территории расселения курдов в ограниченном масштабе, а среди чиновников имперской администрации преобладали скептические и зачастую негативные взгляды. Это и обусловило своеобразный «эффект колеи», иными словами, Петербург просто не мог выбрать курдов.

Библиография:

- 1) Kazemzade F. The Struggle for Transcaucasia. New York, Philosophical Library, 1951. — 356 P.
- 2) Аверьянов П.И. Курды в войнах России с Персией и Турцией в течение XIX столетия. Современное политическое положение турецких, персидских и русских курдов. Тифлис, Типография Штаба Кавказского военного округа, 1900. — 504 с.
- 3) Алексеев М.Н. Военная разведка России от Рюрика до Николая II. Книга II. — М.: Издательский дом «Русская разведка», ИИА «Евразия+», 1998. — 608 с.
- 4) Бьюкенен Дж. Мемуары дипломата: Пер. с англ. — 2-е изд. — М.: Международные отношения, 1991. — 344 с.
- 5) Вартаньян Э.Г. Курдская проблема в период Первой Мировой войны

и в первые послевоенные годы в контексте национальной безопасности России и позиций Англии и Германии // Краснодар: Историческая и социально-образовательная мысль. Том 8 № 1/2, 2016.

6) Емельянов А.Г. Казаки на Персидском фронте (1915-1918). М.: Вече, 2007. — 466 с.

7) Звегинцов В.В. Хронология Русской армии 1700-1917. Париж, 1961. — 240 с.

8) Игумен Стефан (Садо). Российская православная миссия в Урмии (1898-1918) // Христианское чтение. 1996. № 13.

9) Корниловский А.С. Иранский Курдистан в русско-германских отношениях накануне Первой мировой войны // Вестник Томского государственного университета. 2016. № 411.

10) Лазарев М.С. Курдский вопрос (1891-1917). Академия Наук СССР. Институт востоковедения. М.: Изд-во "Наука", 1972. — 472 с.

11) Масловский Е.В. Мировая война на Кавказском фронте 1914-1917 г. : Стратегический очерк. — Париж: Возрождение, 1933. — 504 с.

12) Общий список офицерским чинам Русской Императорской Армии. Составлен по 1-е января 1909 г. С. Петербург, Военная типография, 1909.

13) Поликарпов В.В. От Цусимы к Февралю. Царизм и военная промышленность в начале XX века. М: Индрик, 2008 — 552 с.

14) Сазонов С.Д. Воспоминания. Минск.: Харвест, 2002. — 368 с.

15) Шкловский В.Б. Сентиментальное путешествие. СПб, Азбука-классика, 2008. — 320 с.